

Алия

Ахетова

«НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...»

Тридцать лет назад с выводом с территории Афганистана последних подразделений советской армии Афганская война официально завершилась, но в памяти прошедших ее она продолжается по сей день. Отправленные по приказу или поехавшие добровольно, они честно выполняли свой долг. И чувство Родины у них там, в чужой стране, было иное. «Мы ехали, чтобы стать нужными, чтобы помочь...» – говорят героини очерков Алии Ахетовой, женщины, нашедшие свое место на мужской войне.

КРОВНОЕ РОДСТВО

Роза, Розочка... Так ее звали на войне. Красавица, каких поискать. Ее бы на руках носить, нежить, любить, баловать. Хрупкая, изящная, словно точеная статуэтка. Тонкое бледное лицо, огромные миндалевидные глаза, черный вьющийся волос, голос чуть с хрипотцой.

Эмоциональная сила ее исповеди потрясла меня обнаженностью. Перестала существовать дистанция времени, казалось, будто бы все это происходит наяву. Слушать было мучительно, рассказывать тяжелее. А пережить...

В семье, где росли десяти детей, не стало мамы. Двое самых младших – еще дошколята. И Рауза не щадила себя. Все ночные дежурства – ее, и в праздники она на посту. Медицинская сестра инфекционного отделения Урицкого районной больницы Кустанайской области. Комсорг, заводила, любимица. Вопреки тяготам судьбы, оправдавшим бы любую слабость, Рауза Ережепова оставалась несломленной. «Я – женщина, сильна я поневоле, но знаешь точно, если жизнь – борьба, я женщина, я слабая до боли, я – женщина, а значит, я – судьба...»

Райвоенком предложил поехать поработать в Афганистан, и Рауза, подробно разузнав обо всех условиях службы, согласилась. Младшим нужна ее помощь, она сможет обеспечить сестер и братьев – материальная сторона вопроса перевесила все сомнения.

Когда сборы были уже позади, так заболела душа... Есть очень точное расхожее выражение: «сердце кровью обливается» – именно такое состояние испытывала Рауза. Жаль было оставлять младших, о них старшая сестра пеклась так, как не всякая мать заботится о родных детях...

Три года она выдерживала чудовищную перегрузку: окопный быт, изнуряющая жара под 60 градусов, артобстрелы, в модулях – комары величиной с пчел. В Баграмском медсанбате работала в операционном блоке – самом сложном отделении.

Легкая, тоненькая, быстрая и ловкая, Рауза была единственной медсестрой, специализирующейся на переливании крови. В считанные минуты приходилось определять группу крови тяжелораненых, искать доноров по всей дивизии, рискуя попасть под обстрел. Не находилось необходимой крови – тогда медики сдавали свою. За жизнь каждого боролись до конца. Ее и называли среди солдат «Розка-кровососка». Почему? Разве кому передать чудовищную усталость от этого неотвязного зрелища: кровь, много крови, очень много крови... Война, подлая война всегда пахнет кровью. Запах липкой чужой крови тошнотворен. Но ты требуешь, приказываешь себе не сдаваться, не жалеть себя. А солдатиков было жаль, молодых, необстрелянных особенно. Они первыми, сами слабые, еле державшиеся на ногах от вечного недосыпа и истощения, молча шли сдавать кровь, если ещё можно было спасти товарища.

Незаменимая операционная сестра, Рауза часами в непереносимой духоте ассистировала полевым хирургам, вытаскивавшим из лап смерти тяжелораненых. Есть физиология, и никуда от этого не деться. Но порой приходилось просто забывать о естественных потребностях. Когда часами стоишь, склонившись над операционным столом, нет времени даже выбежать по нужде.

В Баграмском медсанбате спасали жизнь будущего президента Ингушетии. Героя Советского Союза, нашего славного земляка Руслана Аушева и боевого летчика Александра Рущкого, ставшего впоследствии известным политиком России. Генерал Аушев, возглавляющий самую крупную организацию воинов-интернационалистов в России, до сих пор при любой возможности передает привет милой сестричке Розочке...

В батальон привозили и раненых моджахедов, – тогда их называли душманами, – которых приходилось лечить под контролем дежуривших офицеров из особого отдела армии.

Раны огнестрельные... раны минно-взрывные... Вертолеты садятся и садятся... Несут на носилках... Раненые лежат, прикрытые простынями... Ребята наши покореженные, обожженные. Ей было страшно. Непереносимо. Но душе вспоминается и другое: дружба, взаимовыручка. Геройство – не показное, настоящее.

Отоспаться – этой мысли не было и в мечтах: тяжелораненые поступали в любое время суток. На войне как на войне... Медсестры не считались с обязанностями по инструкции. Не хватало санитарок, сами мыли полы, протирали окна, – вездесущая афганская пыль пополам с песком повсюду. Перемывать пробирки, круглосуточно ухаживать за теми, кто не в состоянии двигаться – все это приходилось выполнять медицинским сестрам. Весила Рауза всего 42 килограмма. За три года войны только однажды удалось побывать в отпуске четыре дня, заменить ее было некому. Чудовищные нагрузки сказались на молодом организме – с двусторонней пневмонией она попала в кабульский госпиталь, где ее саму теперь выхаживали медики.

То, чем нагузила тогда Рауза свою душу, – на всю жизнь. Комсомольцам приходилось объезжать кишлаки, оказывать населению медицинскую помощь, порой даже принимать роды. А еще было обидно за афганских детишек, чума-

зых, босоногих, вечно голодных, всюду увивающихся за шурави. И их жалеть довелось, не только своих, все мы люди-человеки. В медицинском училище ее учили лечить, а здесь убивали.

Еще долго Рауза болела Афганом. Ей казалось, что в этой далекой, окруженной горами пустынной стране, на этой обжигающе жаркой, сухой пыльной земле осталась ее настоящая жизнь.

В Союзе была другая жизнь. Уже другое время. Другая правда. Другие ценности. Цинизм стал в стране привычным. «Какое время на дворе – таков мессия». А для нее иначе звучал несущийся из динамиков хриплый вопль новомодной группы: «Я так люблю свою страну и ненавижу государство...»

Тонко чувствующая, болезненно восприимчивая, избегающая тяготившего ее общения Рауза старалась отгородиться от всех. Ей хотелось единственного – чтобы ее никто ни о чем не спрашивал, не задавал глупых и пошлых вопросов о войне. Оставшись одна, часами пересматривала видеокассеты, привезенные из Афгана, и слушала только те песни, что пели ей выздоравливающие ребята в госпитале.

Сколько хватало сердца, надрывая душу, Рауза стоически помогала родным не вернувшимся с войны ребятам. Ухаживала за стареющими, сломленными горем родителями, ежедневно навещая, сама ставила им капельницы, уколы, бегала за продуктами, сопровождала в собес. А еще растила в одиночку дочь Гульмиру. Непросто выдержать, выдюжить в этой жизни хрупкой женщине, для которой война – незаживающее, болезненное. И здоровье с каждым годом ухудшалось. Месяцами лежала в больницах, раз в год ездила в госпиталь. Тогда бы она не выжила без поддержки родных и братской помощи Марата Джумабекова, начинавшего в Кокшетау афганское движение с медицинской сестричкой Гульнаррой Макишевой, без тех ребят, кто первым отзывался на любую просьбу.

Теперь Рауза живет в столице. Но связи с ребятами из Кокшетау не прерывает. Она по-прежнему для воинов-интернационалистов самая красивая, самая милосердная, самая родная.

На войне, которую позже зло и бессовестно оболгут, клея несправедливые кричащие ярлыки, Рауза честно исполняла свой долг. Воинский, интернациональный. Профессиональный. Нынче не принято оправдывать вооруженную агрессию Союза, называемую интервенцией. Но святой остается кровь, пролитая молодыми парнями на пыльной земле под высоким чужим небом.

Нашлось бы только в наших душах искреннее тепло для тех, кто по чьей-то злой воле совсем молодым пережил войну.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Бахытжамал Бахтиярова для меня героиня, самая настоящая. И не только потому, что, будучи красивой молодой женщиной, рядовым работником торговли, вдруг почти на спор в неполные тридцать лет принимает решение уехать в незнакомую страну, где идет реальная, хоть и не объявленная война. Во время нашей долгой и откровенной беседы открылся ее по-настоящему мужской, жесткий характер.

Заявившись прямо к тогдашнему военкому Владимиру Байковскому (военкомат города Кокшетау), она попросилась, даже не будучи военнообязанной, туда,

где по образному выражению ее отца, Шантемира Бахтиярова, «земля горит под ногами». Полгода ждала итогов спецпроверки в особых органах, выдержала строжайшую медкомиссию, и все это время переживала... Вызов пришел осенью. Всего-то полтора часа полета из Ташкента в Кабул. Из мирной родной державы в страну, где днем тебя, приветливо улыбаясь, называют ханум, а ночью могут не спеша выстрелить в спину.

Октябрь 1987 года, пересыльный пункт в столице Афганистана. Заметив идеальный, каллиграфический почерк, грамотную казашку поначалу оставили в штабе в Кабуле на четыре месяца навести порядок в документации, вести отчетность. Сутками нужно было переписывать целые горы бумаг, все вручную, аккуратно и без ошибок.

Впоследствии за образцовую опрятность в работе, добросовестность и решительность характера ее повысят. Бахытжамал станет начальником отдела секретных документов в штабе самого командующего сороковой армией, боевого генерала Бориса Громова. Там уже пришлось печатать на электрических пишущих машинках – и цифры, великое множество цифр. Поступали бесконечные сведения о потерях ограниченного контингента советских войск, об отправке «груза 200» в цинковых гробах, информация о продовольственном снабжении, о количестве разгромленной военной техники, о прибытии и отбытии военнослужащих. Все эти сводки, воедино собранные, складывались в правдивую картину реальности. В газетах писали об интернациональном долге, о геополитике, о государственных интересах, о южных рубежах родины. А наяву – сбитый недалеко от аэродрома Кабула вертолет, и повсюду человеческие останки: кисти рук, обрубки ног – собирали в целлофановые пакеты. Врезалась в мозг прочитанная в случайно попавшемся журнале фраза, оброненная французом: «Попав в Афганистан, человек теряет память...» Пластичная человеческая психика словно оберегает самую себя.

Была ли тоска по дому, называемая красивым словом «ностальгия»?.. «Выстрел на перевале Караш» в клубе много раз смотрела. Домбра, звуча с экрана, словно успокаивала душу, напоминая родную степь, тепло родительского очага. Когда уже в десятый раз крутили эту киноленту, ребята спорили, придет или не придет в клуб эта загадочная, всегда строгая восточная красавица, начальник отдела секретных документов.

Кабул вначале не показался ей экзотичным южным городом: привычные взору обычные благоустроенные многоэтажки, каких полно в Союзе, построенные, кстати, советскими строителями... Вот только от стен глиняных мазанок, скрепленных неизвестным раствором, пули отскакивали, будто от заговоренных.

Как-то в Кабул прилетели крупные медицинские военачальники из Москвы, и командование упросило приготовить на ужин что-то восточное, необычное. Решила удивить самсой, мантами и пловом, весь день на кухне провозилась. Вечером один из высоких гостей, с удовольствием отведав приготовленные Бахытжамал блюда, велел позвать мастерицу.

– Признаюсь, ни разу подобного не ел! А откуда в Афгане масло французское нашлось? – поинтересовался чин. – Такой вкус ни с чем не перепутаешь...

Не стала наша землячка разочаровывать москвича: как раз накануне побывав в Союзе в отпуске, она привезла из родительского дома «карын май» – масло, которое до мая держат казахи в конском желудке, так оно долго сохраняет свежесть и первозданный вкус.

...Помнит Бахытжамал и то, как впервые попробовала в чистом виде медицинский спирт, даже не подумав, что его принято разбавлять водой. Начмед настойчиво советовал: «Коль не хочешь подхватить афганский букет, привыкай, надо уметь закаляться...» Спротивлялась поначалу, мол, «я же мусульманка, у нас не принято предлагать женщине спиртное», но жили-то в условиях военного времени.

Характер приходилось проявлять во всем. В первый же день, зайдя в комнату модуля, вдруг наткнулась на неприветливый, враждебный взгляд будущей соседки, вышвырнувшей в коридор ее чемодан. «Не буду я с казашкой жить!» – услышать такое в стране, где советские люди выполняли пресловутый интернациональный долг... Как знать, сложилась бы дальше дружба, если бы Бахытжамал молча стерпела унижение. «Как выкинула мои вещи, так и занесешь!» – спокойно, но твердо приказала она Татьяне, с которой потом, впрочем, они станут неразлучными подружками, вместе целых два года будут делить кров и пищу, мечтать о мирной жизни и большой любви.

Отстаивать женскую независимость в мужском коллективе нелегко, здесь нужны и воля, и стержень, и что-то ещё такое, чему трудно подобрать определение...

Вернувшись из отпуска, услышала от доброхотов: вычеркнули ее фамилию из списка на приобретение машины. Пошла выяснять. До сих пор плохо от услышанного, вернее, предательски переданного: «Эта черножопая на базаре себе машину купит». Пот прошиб, еле сдержалась, чтобы не ударить того, кто нашептал. Пошла в штаб прямо в приемную к Громову. Все как на духу выпалила, всю обиду... Генерал, выслушав, молча взялся за трубку.

Как-то заметила в окне троих служивых, возвращавшихся из продмага. Впереди вышагивали два рослых парня, под мышками у них зажаты пачки печенья, а сзади понуро плелся коротышка, в замызанной гимнастерке, в стоптанных сапогах, по виду – земляк, из Казахстана. Выскочила навстречу им. «Откуда ты, паренек?» – «Из Семей. Казах...» Схватила за руку прапорщика, лениво жующего жвачку. «Кто такой, почему весь лоснишься, а солдат твой из магазина пустой идет? Почему на нем рвань? Сейчас ты мне за все ответку дашь! Рапорт на тебя быстро организирую!» Засуетился прапор: «Все будет сделано, апашка», – и честь отдает...

Время спустя земляк заходит к Бахытжамал в кабинет, сияет, довольный: «Апа, мне и деньги за полгода вернули, и новую гимнастерку выдали». Потом она будет хранить его зарплату в сейфе своего рабочего кабинета, и когда Максат, ставший ей братишкой, уйдет на дембель, вышлет ему домой посылкой купленные на чеки «Саламандру» и «Адидас» – чтобы на досмотре таможня не отняла.

Чем могла, помогала землякам, сердце ныло за парней – вернутся ли к матерям своим живыми и невредимыми... Неделю есть не могла, когда увидела страшную картину: на носилках несли солдата, раненного в живот, он руками своими вывалившиеся внутренности обратно затаскивал, кричал: «Мама, мама, спасите меня, жить хочу!..» Когда пошла узнавать в хирургию, спасли ли солдатика, ответили, заражение он занес руками, сепсис начался...

Когда за окном афганский мулла призывал к молитве (азан жасап), товарки закрывали форточки. Бахытжамал, смеясь, распахивала окно: «Мой Аллах спасает меня от гибели, мусульманка я...» Жребий, бывало, когда бросали, кому достанется

двухкассетник японский «Шарп», штабные зло шипели: «Давай, мусульманка, колдуй, где твой Аллах, пусть поможет...»

После вывода войск (их сороковая последней покидала Афган) вернулась на родину. Время наступило тяжелое, а точнее, безвременье. Буквально через три месяца после возвращения похоронила отца, умер от рака в 58 лет. «Будто меня дожидался, такие боли терпел, а я ему лекарства везла самые дорогие...»

До сих пор с подступающей всякий раз горячей волной в сердце вспоминает Бахытжамал, как случайно, по фамилии в списке догадавшись, что среди вояк, возвращавшихся домой, женщина, казашка Бахтиярова, неизвестный ей полковник Ибрагимов, руководивший выводом войск, приказал ей лететь самолетом. Вручили билет на аэробус до Ташкента, словно спасая напоследок от шальной душманской пули. И вправду, советские колонны обстреливали в упор по прощальному пути. Все могло произойти. «Услышишь ты, как жалуются Богу погибшие в последний день войны...»

Бахытжамал после не любила о себе напоминать, слушала по радио передачи об афганском братстве, о создающихся объединениях, но пойти к ребятам и заявить, мол, была в Афганистане, стеснялась, – не воевала же. Кто-то кровь проливал, я – штабной работник. А после распада Союза и переписка с девушками, с теми, кто так же, как и она, побывал «за речкой», и вовсе оборвалась. И только много лет спустя ее буквально за руку привели в Союз афганцев, к Александру Аздравину.

Ничуть не робея, в самом начале нашей встречи моя собеседница прямо сказала: я не смогла выйти замуж, родить ребенка, не стала счастливой женой и матерью, семья моя – мои братья и сестры... И подумалось мне, как трудно быть женщине сильнее мужчин. И на войне, и в мирной жизни.

«НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...»

Уже много лет зная Гульнару Дауренбековну Макишеву, я давно хотела написать о ней, легендарной медицинской сестричке, перенесшей четверть века назад афганское пекло и выжившей всем смертям назло. Эту исповедь я услышала от нее не за одну беседу – ее рассуждения во время многих случайных встреч тщательно запоминала, стараясь уловить щемящую пронзительную нотку ее правды о войне.

Работа для женского сердца

– Обнаженное чувство справедливости у меня оттуда, с молодости, проведенной на войне. Необъявленной афганской войне, уходя на которую я скрыла от родных страшную правду. Целый год мои родители, Майраш Мамбетовна и Дауренбек Махметович, даже не догадывались, куда отправляли своей любимице дочери письма. И только когда приехала в отпуск загорелая дочерна, исхудавшая, неуловимо изменившаяся, отец каким-то своим интуитивным чутьем едва взглянув на меня, вздохнул: «Знаю, куда тебя занесло, чувствовало сердце мое, что с тобой...»

В 85-м я встретила свою 25-ю весну. А до этого училась на вечернем отделении медучилища, работала санитаркой в железнодорожной больнице, затем, после

окончания учебы, медсестрой. В дружной нашей многодетной семье росла старшей, хотелось помочь уже стареющим родителям, к тому времени и братья вернулись из армии, оба достойно отслужили, один в Венгрии, другой на БАМе.

Перед отправкой в Афганистан нас проверяли, как перед полетом в космос: медкомиссию по полной, по линии КГБ – все прошла, а когда речь зашла о том, что необходимо согласие родителей на отправку в ДРА, пришлось возмутиться: мне что, 18 лет?! Знала ли тогда, что ждет меня...

Только оказавшись в Кабуле на пересыльном пункте, поняла, что в моей жизни наступает отдельная эпоха. Апрель 1985 года. В СССР знаменитый горбачевский пленум, а там, куда я попала, 60 градусов жары. Удивлена была, когда впервые увидела, как много женщин едет на эту войну. Думала, что таких, как я, немного, а оказалось, нас тысячи... Мы ехали, чтобы стать нужными, чтобы помочь. Хотя был и практический интерес: кому-то надо было заработать, но глубоко в душе все-таки жила вера, что мы будем нужны, наш опыт и знания пригодятся на войне.

В Кандагар летели вместе с врачом Никулиным из того госпиталя, где мне предстояло прослужить целых три года. Это приказ. Куда ехать, выбирать не дано. Поселили в модуле – легком сборно-щитовом домике, туда приходили только отсыпаться после особо тяжелых дежурств, а все свободное время я помогала раненым. Работала в терапии. Тем, кто в хирургии, реанимации, конечно, доставалось больше.

Разве может военный госпиталь обойтись без женщин? Вокруг лежат обожженные, покалеченные, истерзанные молодые парни, совсем мальчишки. Да хотя бы свою руку просто положить на ладонь, пожать легонько, прикоснуться к плечу, передать заряд, я – рядом. Разве милосердие кто-то отменял? Сострадание, сопереживание – это работа для женского сердца, для женской, всегда материнской души.

Разные встречались судьбы... Некоторые из только прибывших необстрелянных солдат сами напрашивались на самые опасные участки. И погибали... Там, где смерть заглядывала в глаза каждому из нас, мы оставались романтиками. Потому что верили, надеялись, хотели жить...

Нам известно то, что не коснулось других. Каждый из нас до конца с той войны не вернулся. Война ведь не заканчивается с уходом последнего танка, с последним выстрелом в спину. Она продолжается – в еще живой памяти, в незаживающих зарубках на сердце, в снах, где острые пики скал уходят в высокое афганское небо, где бесконечно шагаешь по пыльной чужой земле, слышишь незнакомый гортанный говор... Она не закончится, нет, пока жива память о тех, кто в мирное время в чужой стране воевал за идеи социализма – идеи страны родной...

Многие удивлялись, когда приехала домой в отпуск: едешь на войну, зачем, там ведь убивают, ты же не солдат, что женщине на войне делать? Стирать в памяти те годы не буду. Время, которое там осталось. Моя молодость могла пройти по-другому, в другом месте... Но я не жалею, если быть честной. Крепко, на всю жизнь во мне осталось это гордое и горькое чувство, что сумела, смогла разделить эту тяжесть, что удалось испытать себя, свои порывы, что я, женщина, была нужна на мужской войне...

Больно до сих пор слышать про ненужность и ущербность той войны: тем самым мы оскорбляем ее ни в чем не повинных участников, тех, кто из мальчишеской юности сразу шагнул в мужество...

Откуда ты, паренек?

– Первое время после возвращения мы очень активно общались, переписывались. В 90-м году в Киеве была наша встреча, в год распада Союза, родины, поспавшей нас воевать, в Санкт-Петербурге... Боже, как я искала там, в Афганистане, своих земляков! Первый вопрос всегда у меня звучал: «Откуда ты, паренек?..» А по ночам во время дежурств, заполняя истории болезни, первым делом смотрела запись, откуда новичок родом. Святое это было – земляки, все те, кто родом из Казахстана, пусть кто с юга, с востока, главное – свой. Радость самая большая – встретить кокчетавских ребят, они там становились самые родные, близкие, любимые. Володя Шилов, высоченный, худющий, мне отдавал сбереженный сухой паек, там маленькие шоколадки выдавали, сладкое было на вес золота. Помню, в госпитале увидела в истории болезни фамилию Гапоненко из Щучинского района, так еле утра дождалась, чтобы поздороваться с земляком. После Афгана сама поехала навестить родителей Виктора, ставшего мне большим другом, в село Дмитриевку, а там меня принимали как самого родного человека.

Еще один фрагмент, врезавшись в память, не отпускает: в нашем отделении терапии десять дней пролежал парень из России, Олег, лечили дискинезию. Спустя время узнала, что после выписки, во время дежурства на посту, он подорвался на mine, оторвало ногу. Когда решила Олега навестить в хирургии, меня попросили передать ему шинель и сапоги. Помню это ужасное чувство, охватившее меня, когда услышала заставивший онеметь вопрос: «Гуля, ты зачем мне пару сапог принесла?..»

Вместе с Маратом Джумабековым мы начинали афганское движение в Кокшетау в начале 90-х годов. Я была избрана в Кокшетау на областном слете самым первым председателем Союза воинов-интернационалистов. Тогда, в 1989 году, это была освобожденная должность. Проблем решали множество, и много о нашем движении, о наших заботах в газетах той поры писали. Сейчас наступило иное время, но мои ребята-«афганцы» всегда и во всем меня поддерживают, это мои братья, мы одной группы крови, считываем один код...

Пережитое вместе на войне объединяет нас, даже когда мы вернулись к повседневному существованию, превратилось в главное событие нашей жизни, несмотря на все непреходящие сегодняшние заботы. Не становится чем-то смутным, далеким, отжитым. Память о душах, которых уже нет, живет во мне...

Уже после Афгана встретила свою судьбу, вместе воспитали с мужем Сергеем Петровичем Луневым дочерей Ирину и Татьяну, сына Сергея. В моем рабочем кабинете в поликлинике с некоторых пор висит парадный пиджак с медалями – раньше не надевала, не хотела выделяться, теперь на встречи всегда в нем хожу. Нас, «афганцев», становится с каждым годом меньше. Уходят, уходят друзья, одни в бессмертие, другие в никуда... Проблем нерешенных и нерешаемых и теперь, спустя 26 лет после вывода войск, хватает. Нас до сих пор не приравняли к участникам войны, до сих пор не вышел закон о ветеранах... Практически каждый из нас, побывавших в Афгане, перенес малярию, гепатит, брюшной тиф, и я не избежала этой участи. С возрастом все это дает о себе знать. Не за льготы мы боремся. Сказать вам, насколько мизерные пенсии и пособия воина-интернационалиста?.. Эту жестокую правду надо признать.

Высокой риторики наши ребята, прошедшие Афган, не приемлют. «...Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне...»

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

29 июня 1986 года из степного Атбасара уехала работать в далекое азиатское государство, знакомое ей лишь по скурым сведениям из школьного учебника географии, единственная дочь своих родителей Елена Бирюкова. Комсомолка, дочь преданных партии коммунистов, Лена искренне верила, что именно в Афганистане станет нужна, сможет принести пользу Отечеству. Разве не на войне раскрываются, вступают в действие способности, глубоко скрытые в каждом человеке? Раньше советская молодежь, считала Лена, подвиги совершала, была способна на самопожертвование, и она должна проверить себя, поехать защищать, спасать наших мальчиков.

Лучше всего сущность человека открывается в трудных ситуациях нравственного выбора. У Елены, когда начался продолжительный сбор бесчисленных справок (в том числе и официального письменного разрешения родителей, девчонке только 22 года) перед отправкой в Афганистан, была возможность передумать, и ее никто бы не осудил. Но так была воспитана в семье комсомолка, активистка, спортсменка, стойкость свою и характер стремилась испытать, и поддержали ее в этом в первую очередь самые близкие родные, отец и мать, Валентина Михайловна и Василий Иванович Бирюковы.

Неисповедимы пути Господни... Государство и правительство, распорядившееся тысячами солдатских судеб, позже цинично объявит о политической ошибке, за которую ни в чем не повинные молодые ребята заплатили самой высокой ценой – жизнью. 28 июля 1986 года Горбачев заявил о выводе шести полков сороковой армии из этой страны. Впервые было признано: афганская проблема не имеет военного решения. На тот момент Советский Союз уже воевал шесть с половиной лет и потерял десять тысяч солдат...

– Ни о чем сегодня не жалею, – говорит Елена Васильевна. – В моей судьбе, в моей молодости был Афганистан, я сполна и честно исполнила прежде всего свой профессиональный и интернациональный долг. Какие бы сегодня да и сразу после вывода войск суждения ни высказывались, никому не дано судить тех, кого приказом посылали на далекую чужбину, кто сам добровольно уходил на войну. Не был там, не испытал – не суди! И Родину мы там, в Афгане, чувствовали по-другому. Звали – Союз. Ощутить чудовищную нагрузку и не сломаться – подвиг. Но это только наша, глубоко запрятанная в сердце боль и память...

Среди военнослужащих ограниченного контингента советских войск, вывода из строя целые подразделения, свирепствовали страшные болезни, казалось бы, навсегда забытые в Союзе: сыпной и брюшной тиф, гепатит, холера, чума, малярия. Тогдашняя медицина, конечно, могла справиться с этими инфекциями, но не всегда успевала предотвратить заболевания. А в условиях войны практически неизбежны были вспышки тяжелых болезней. Раненые ведь не сразу попадали в госпиталь. Иногда пять-десять часов, а то и сутки, и двое они лежали в горах. Раны осеменялись микробами, то, что называется раневой инфекцией. Раненый в реанимацию попадает, а у него обнаруживают брюшной тиф.

– У многих попадавших в госпиталь ребят была дистрофия, несоответствие веса росту. Истощенный организм требовал не только лечения, но и моральной поддержки, элементарного человеческого сопереживания. Мы выхаживали солдат, как своих братьев, жаль было их, худых, осунувшихся, желтых. Ты не просто ставишь

капельницу, инъекцию, а разговариваешь с ним, отвлекаешь. Ему, может быть, доброе слово нужнее иногда самого сильного лекарства. Бывало, к солдату обратишься ласково, а у него сразу в глазах слезы. Он дом вспоминает, мать, сестренки. Есть такое ныне забытое понятие, размытое и беспомощное сегодня, как жалость. Мы бываем беспощадны. Но жалость, что сродни материнской, сестринской любви, ещё никто не отменял. Отними у такой любви жалость, что останется?..

Письма домой ребятам писали, сочиняли успокаивающие родных строки про зелень, горы и реки, и ни слова о том, о чем нельзя было написать.

Я служила в Кабульском инфекционном госпитале. Скажу честно, даже по тем временам оборудование этого военного медучреждения отвечало всем канонам, госпиталь в столице Афганистана строили по проекту ведущего в Союзе Ленинградского военного госпиталя.

Я-то, прямо говоря, немного иначе представляла свою службу, думала, по полю боя по-пластунски передвигаясь, буду раненых поднимать, оказывать им первую помощь, на себе вытаскивать тяжелых... Я ехала на войну, а тут, оказалось, госпиталь... Романтика моя героическая вмиг слетела уже на Кабульском пересыльном пункте. Серые громады гор в сплошной пыли, бесконечно взлетающие по спирали самолеты, вертушки, кружащие прямо над головой, суматоха, крики... Нас, медицинских сестер, часто посылали и в командировки, там мы выполняли свою же привычную работу, но уже в иных условиях. В Афгане впервые увидела одноразовые шприцы в мягкой полиэтиленовой упаковке, до этого кипятили часами советские металлические, кто помнит.

Опытная старшая медсестра, Наталья Владимировна, моя наставница, – тогда ей было лет сорок, мне казалась пожилой... – она-то и обучала нас, молоденьких, всем премудростям профессии. Докторов слушались беспрекословно, это как приказ – все назначения выполнять неукоснительно. Отчетливо понимали: мы – одна команда. Как радовались выздоровлению солдат! После лечения – реабилитация. Потом снова война. Осенью 1986 года случилась эпидемия гепатита, при обычной норме 50 больных нам приходилось разрываться на 200 зараженных опасной инфекцией. Среди медперсонала сильна была взаимовыручка, сейчас бы сказали, корпоративная солидарность: чуток вздремнув после суточного дежурства, мы отправлялись по доброй воле в свое отделение, знали, работы невпроворот, девчонкам не успеть, а наша помощь всегда кстати. Жили по трое в комнате модуля (одноэтажное общежитие для медперсонала), с Леной Телковой мы до сих пор на связи, общаемся.

Не забывали мы и комсомольские поручения, готовили концертные программы для выздоравливающих бойцов, выпускали праздничные стенгазеты, конечно, по традиции, самый любимый и долгожданный – День Победы. В первые годы войны было намного труднее медикам, не хватало медикаментов, даже обыкновенной зеленки, то не успевали подвозить, то лимиты заканчивались – плановая экономика. Бинты советские стерильные в тяжелой упаковке – и те были дефицитом, импортные были и легче, и белее.

Май 1988 года. Начался первый этап вывода советских войск из Афганистана. Первая наша колонна БТРов двигалась четыре часа с юга, Джалалабада, в окружении «голубых касок ООН». Мы встречали ребят, не скрывая волнения, наконец-то солдаты уходят домой, храни их Господь... Гремел оркестр, играла музыка, это был настоящий праздник со слезами на глазах.

Как ждали писем из дома... Мама моя, Валентина Михайловна, сама медик, работала в Красном Кресте, переживая больше всех за меня, написала сотни писем за годы моей службы. Все эти мамины письма до сих пор берегу, это отдельная жизнь и целая эпоха в судьбе нашей семьи. Отец мой, Василий Иванович, ушел из жизни, а мама, к счастью, с нами. Смысл и счастье сегодня для меня – мой любимый внучек Вячеслав. Я вырастила двух дочерей: старшая Валентина и младшая моя Алена. Сейчас работаю медиком в учреждении ЕЦ 166 -4.

«Я знаю, что оттуда, я знаю, что был там...» – есть такая песня, в ней много правды. Мы до сих пор вместе держимся, те, кто пережил Афган. В этом наша сила и наше утешение. Там, на войне, у каждого был свой запас защиты от боли, и физической, и психологической. Была вера. Та, что всегда удерживает, выпрямляет, не дает упасть. В моей судьбе Афганистан не просто возвращение в молодость, по сути, лучшее человеческое время. Афганистан до сих пор моя боль и моя память...

В июле 2019 года отмечают:

80-летие

Хасен МАЙКЫБАЙУЛЫ, *критик*

70-летие

Жарасбай СУЛЕЙМЕНОВ, *прозаик*

В августе 2019 года отмечают:

80-летие

Сабыржан ШУКИРУЛЫ, *прозаик*

70-летие

Куныпия АЛПЫСБАЕВ, *критик, литературовед*

Николай ВЕРЕВОЧКИН, *прозаик*

Токтар ЗИКИРИН, *поэт*

Хасен КОЖА-АХМЕТ, *прозаик*

60-летие

Бакытжан АБЫЗОВ, *поэт*

Сабит ДЮЙСЕНБИЕВ, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

